

КРОКОДИЛ

№ 34 (1684)

ГОД ИЗДАНИЯ 41-й

10 ДЕКАБРЯ 1962

ПО НОВОМУ АДРЕСУ

— Спешу доложить...

Рисунок Е. ШУКАЕВА

На работе...

и дома.

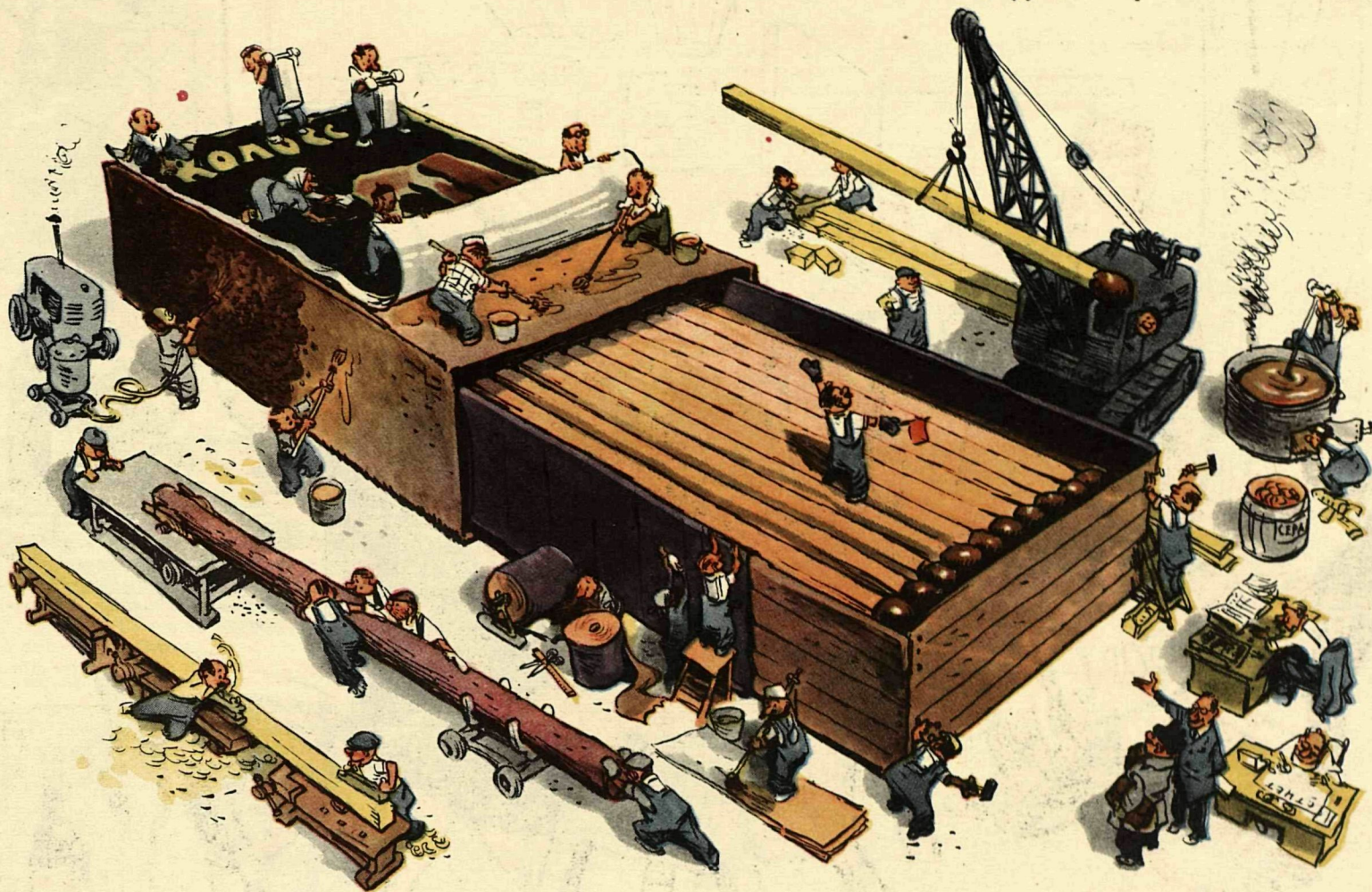
Рисунок И. СЕМЕНОВА

То
Новому
адресу

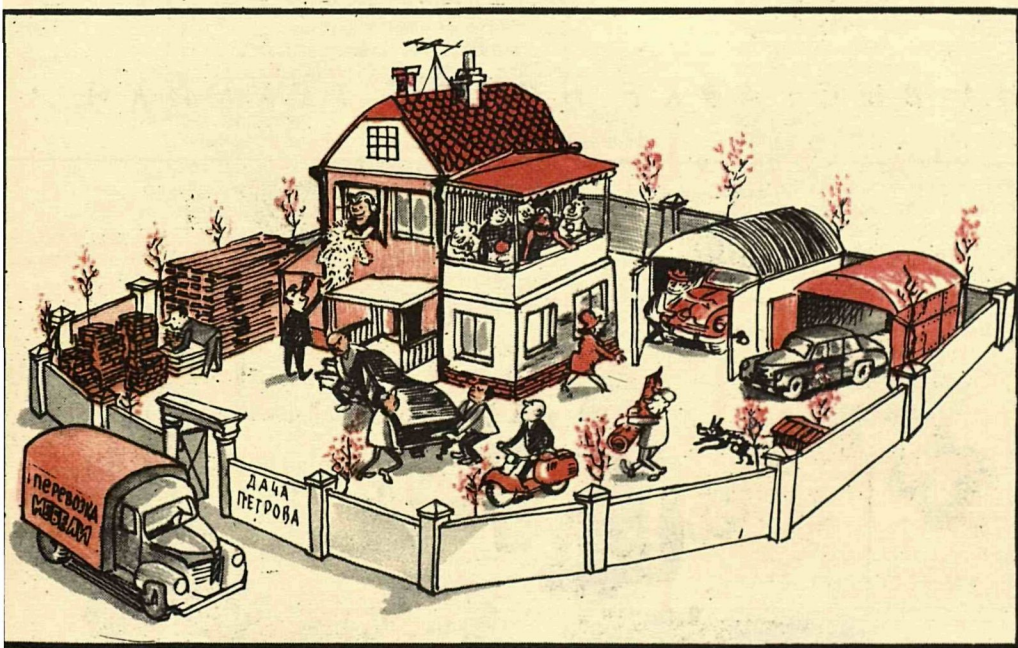
Судили Петрова...

ПРОДУКЦИЯ НА ВЕС

— Еще одну спичку — и премия обеспечена!

Рисунок Е. МИГУНОВА

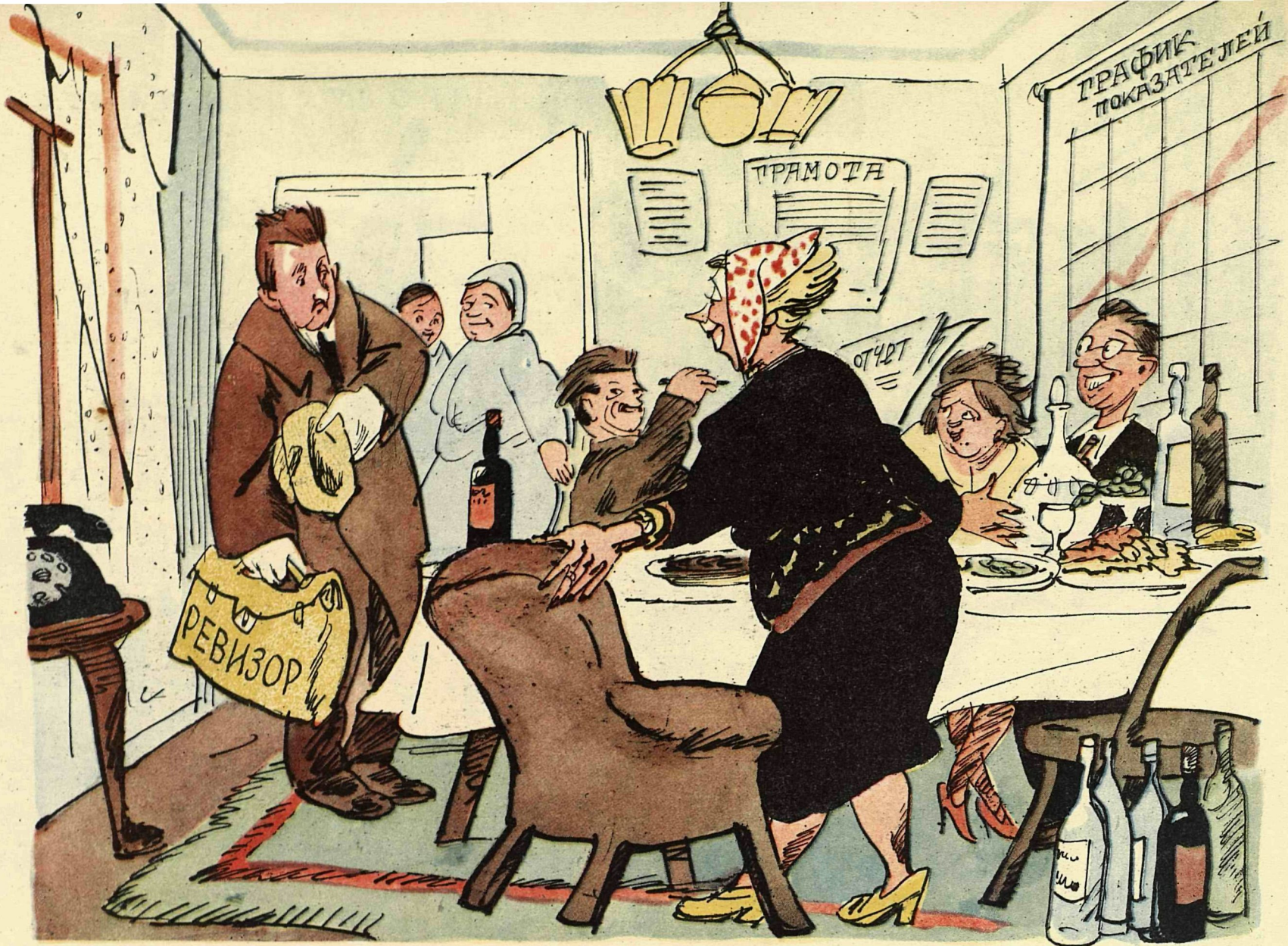
а досталось его родственникам.

Рисунок Б. САВКОВА

— Как видите, животноводство у нас на высоте!

Рисунок Е. ГУРОВА

Ж Д А Л И

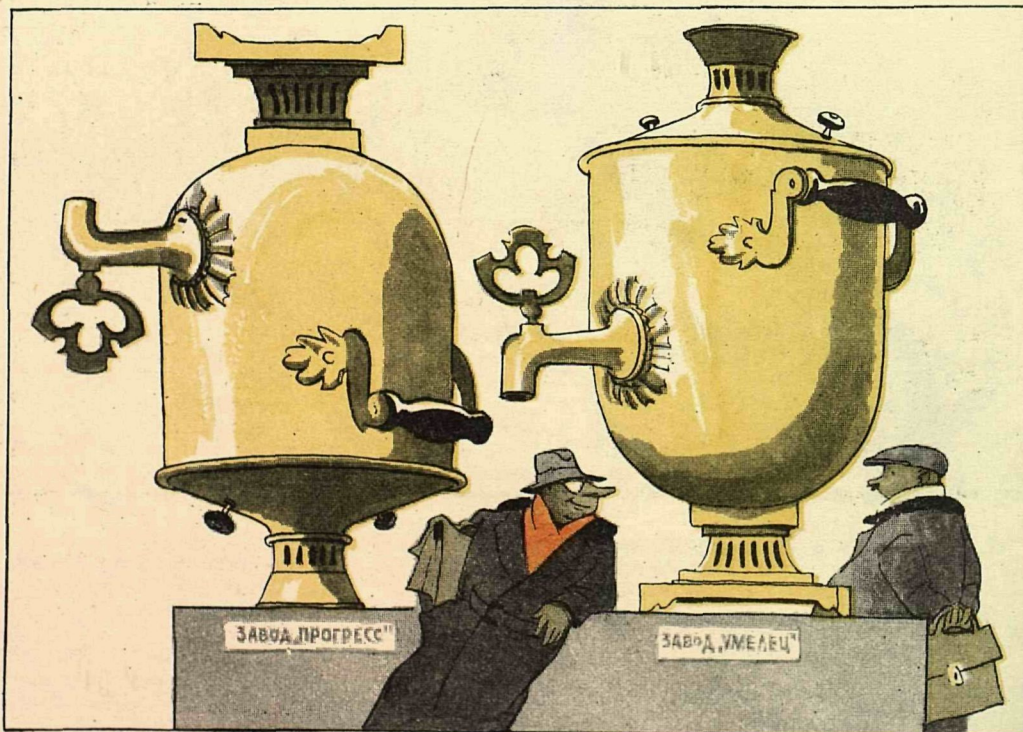
Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

НА ВЫСТАВКЕ НОВОЙ ТЕХНИКИ

СТОЛБОТВОРЕНИЕ

Рисунок А. КРЫЛОВА

— Самовар нашего завода имеет принципиально новую конструкцию...

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Андрей ВУКОВ,
Николай КНЯЗЕВ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Засветятся ярче, чем солнечный свет,
Огни коммунизма над Родиной нашей.
Представьте, друзья, что пройдет двадцать лет,
У каждого дом будет полною чашей.
О том, что нам прежде мешало подчас,
Наверное, люди в то время забудут,
И даже конфликтов не будет у нас...
Не будет конфликтов?
А что, если будут?!

Представьте, принес сталевар, например,
Проект, улучшающий качество плавки.
Проект изучил заводской инженер
И внес в чертежи сталеваара поправки.
Когда предложение принял завод,
Когда сталеваары добились эффекта,
Рабочий просил инженера, чтоб тот
Проект подписал как соавтор проекта.
— Ну, что вы! Идея, мой друг, не моя...—
Сказал инженер.— Это будет нечестно.
— Нет! Нет! Вашей подписи требую я!—
Твердил сталевар.— Мы трудились совместно!

Конфликт? Да, конфликт, но таких поискать!
Быть может, к конфликтам таким не привык ты,—
Ну, что же, товарищ, пора привыкать:
Иная эпоха — иные конфликты!

Представьте, студент, получивший диплом,
До этого времени живший в столице,
Используя связи, с великим трудом
Сумел направленья в деревню добиться.
Вокруг разговоры:
— Ему повезло!
— Счастливчик! В село отхватил назначенье!
— Мы тоже хотим из столицы в село,
За что же ему, а не нам предпочтенье?!
И ректор решил:
— Преждевременна честь.
Хоть парень достоин деревни, казалось,
Но все-таки люди поопытней есть,—
А он пусть в Москве поработает малость!

Проблема? Конечно, проблема опять,
Хоть с нею сегодня знакомы не все мы.
Ну, что же, товарищ, пора привыкать:
Иная эпоха — иные проблемы!

Представьте, писатель уехал в тайгу,
С рабочими вместе трудился на совесть,
Прошел сквозь морозы, метели, пургу
И создал о славных строителях повесть.
Едва эту повесть успел он издать,
Едва получил он хорошую прессу,—
Писателя тут же просили создать
Из книги либретто, сценарий и пьесу...
Но автор ответил:
— Какой интерес?
Нет! Нет! Я и слушать не стану об этом.
Вот скоро уеду на новую ГЭС—
И будет вам пьеса, но с новым сюжетом...

Проблема? Проблема. Эпохе под стать.
Пускай этих споров не слышал нигде ты.
Ну, что же, товарищ, пора привыкать:
Иная эпоха — иные сюжеты!

Да, будут конфликты не те, что всегда,—
Их в корне навеки изменит эпоха.
Но мы к ним привыкнем, друзья, без труда:
С такими конфликтами будет неплохо!

Молодым быть трудно. Когда он намеревается заявить о своем существовании, ему ласково говорят:

— Э, батенька, не спешите приобретать популярность! Еще успеете напечататься и понравиться публике. Ведь вы еще так молоды!

И он ведет себя скромно, застенчиво и робко. Даже появляясь в редакции Крокодила.

Но стоит только пробежать глазами первую страницу рукописи, как становится ясно: литературное творчество молодого автора не имеет никакого отношения к робости его поведения. Это вполне естественно. Робость противопоставлена тем, кто вступил на трудный путь Михаила Салтыкова-Щедрина и Михаила Кольцова. Сатирик — это боец. Его оружие — смех. А смеха, как известно, боится даже тот, кто уже ничего не боится.

Ширятся, становятся все многограннее и богаче ряды молодых советских прозаиков и драматургов, лириков и юмористов. Это еще раз подтвердит четвертое Всесоюзное совещание молодых писателей. Более двухсот молодых литераторов со всех концов страны соберутся в Москве. В их числе будут сатирики и юмористы.

Моим молодым, разумеется, многому еще надо учиться. Нужно много и упорно работать, чтобы достойно справиться с задачами, которые выдвигает партия перед советской сатирой.

«...мы должны держать под мощнейшей лупой наблюдения, под огнем критики все, что мешает нашему движению вперед», — сказал Н. С. Хрущев на ноябрьском пленуме ЦК КПСС. — Надо расчищать дорогу новым, здоровым росткам, чтобы они быстрее пробивались на нашей коммунистической ниве, росли и крепились.

У молодости — отличное зрение. Вот почему я за молодых. И с удовольствием предоставляю им свои страницы.

КРОКОДИЛ.

Владлен КАРЛИНСКИЙ

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

Неделя выставки-продажи изделий местной обувной фабрики неторопливо подходила к концу. И вот наступил ее последний день.

Фирменный магазин до отказа был набит покупателями. Очередь хитроумной кривой извивалась по торговому залу и вышлекивалась на улицу. Там бушевала толпа. Два конных милиционера наводили порядок; народ все прибывал. Городской транспорт за один этот день выполнил план месячных перевозок. Трест столовых бросил к обувному магазину весь свой штат на продажу пирожков, причем уже к середине дня расхватывались не только позавчерашние пирожки, но и те, что стояли до сих пор на витрине привокзального буфета.

В два пятнадцать дня очередь попол-

нила свои ряды за счет приехавших пригородным поездом родственников и знакомых, которых горожане вызывали телеграфом.

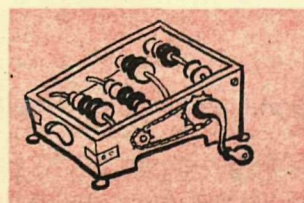
Продавцы магазина ошалело выглядывали в окна. Поблудневший директор вызвал «Скорую помощь» для одного из представителей фабрики, которому от волнения стало плохо.

Покупатели, завершившие свою миссию, выходили из магазина с сияющими от счастья лицами и с пустыми руками.

Очередь медленно, но верно двигалась вперед. В этот день фирменный магазин местной обувной фабрики принимал от населения обратно бракованную продукцию, проданную за неделю.

г. Ленинград.

Юрий КИРИК

НОВАЯ ТЕХНИКА

расставаться. — Я гордо вытащила линейку из папки.

— Ну, сосчитайте нам, сколько будет сорок пять умножить на четыре.

— Приблизительно сто восемьдесят.

— Ах, какая вы милочка! Клавдия Михайловна, ты только посмотри, какая она милочка! Нет, в наше время всему этому не учили. А еще как вы можете считать?

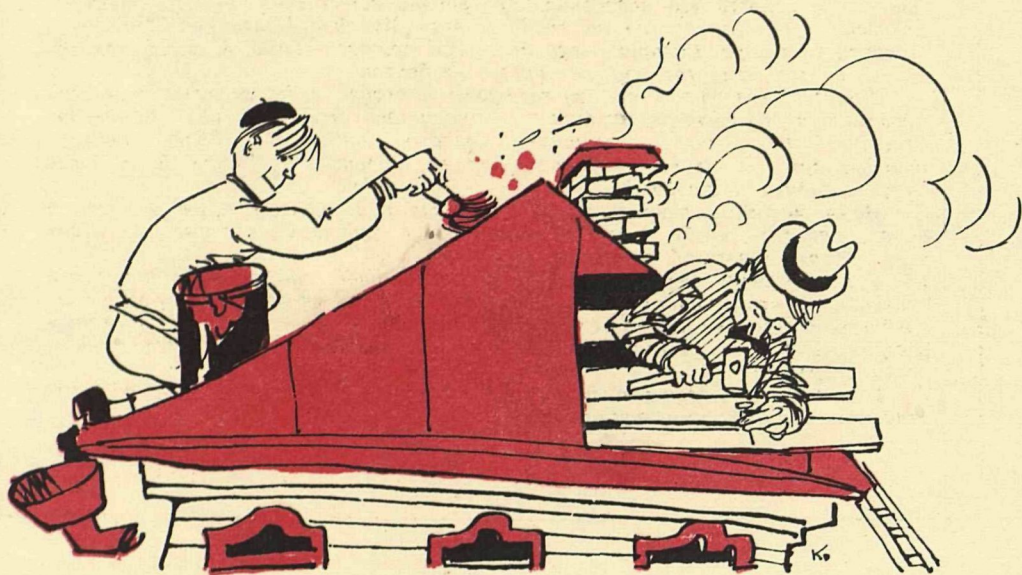
— Еще я могу на арифмометре и немножко на счетной машине.

— Чудесно, какая вы умница! А на счетах вы умеете?

— Нет, ведь это так устарело.

— Конечно, это ужасная древность. Ну, ничего, Клавдия Михайловна вас научит денька за два, и тогда вы сможете сразу приступить к работе.

Б Е З В З Я Т К И

Я нашла необыкновенный метод просто и легко добиваться того, что другим удается только с помощью взятки.

Успех стопроцентный. Метод удивительный. Грешно было бы оставить его только в личном пользовании.

Итак, открытие метода произошло совершенно неожиданно. Я пришла к заведующей детским садом. Пришла уже в двадцатый раз. Ну, ясно зачем: чтобы приняли моего малыша. В двадцатый раз чуть не на коленях я умоляла принять его. Но заведующая была глуха к моим просьбам.

— Нет, нет и нет! — раздраженно отмахнулась она.

— Ну что вам стоит принять одного-единственного мальчика, он очень спокойный...

— Я же вам двадцать раз говорила: все группы переполнены.

— Да, но вчера вы все-таки приняли кого-то... И на прошлой неделе тоже, — робко заметила я.

Заведующая встала, не обратив внимания на мои слова. Встала и я. Стою, комкаю в руках перчатки. Вдруг я почувствовала, что терять все равно нечего, и выпалила:

— Ну, конечно, если бы я пообещала вас отблагодарить, тогда место моментально нашлось бы... Но я никогда никому не давала

взятку и не собираюсь давать. Так что не дейтесь!

— Что?!

— То, что слышали, — уже более спокойно сказала я. — Можете не принимать моего ребенка!

— Что?! — снова закричала заведующая. — Вы хотите сказать, что я... что мы... только за взятки?

Я многозначительно промолчала.

— О, какая подлость! — Она воздела руки к небу. — Кто вам мог такое сказать? «Не собираюсь давать!» — передразнила она. — Зачем мне ваша взятка? Я не беру взятку и могу это доказать.

Я продолжала молчать с безразличным видом.

— И докажу! — стукнула она кулаком по столу.

— Как же вы докажете, — холодно произнесла я, берясь за ручку двери, — если не примете моего малыша?

— А вот и примем! Можете хоть сейчас его привести!

На следующее утро мой сын был уже в детском саду и весело скакал верхом на деревянной лошадке.

Вскоре после этого мне нужно было зайти в домоуправление. Тут я действовала решительно и энергично.

— К ремонту вашей крыши приступят в будущем году. Так предусмотрено планом, — категорически заявил мне техник-смотритель. — Я понимаю, что вам льет на голову, но план есть план, и мы не можем...

— Ах, не можете! — саркастически повторила я. — Вижу, вижу, чем здесь пахнет. Конечно, если бы я вас отблагодарила, тогда вы бы сразу смогли. Но предупреждаю: я никогда никому не давала взятку и не собираюсь давать.

— Что?!

— То, что слышали. Можете ремонтировать хоть через десять лет!

Произошло чудо: со следующего утра на моей крыше трудились ремонтники.

Этот же метод, правда, в несколько измененном варианте, применим и в других случаях. Например, вам понадобилось устроить в вуз племянника. Школу он окончил с результатами довольно скромными, и шансов попасть в институт у него столько же, сколько у черепахи обогнать антилопу. Но не забывайте о чудесном методе. Идите прямо на дом к председателю приемной комиссии. Удобно устраивайтесь в кресле и приступайте.

— Я понимаю, что на законном основании мой Миколас едва ли попадет в институт. Кое-кто посоветовал мне обратиться с просьбой к вам, заинтересовать вас... так сказать, отблагодарить... Я уже почти купила у антиквара хрустальную вазу... Но это противно моим принципам! Да и вы, насколько мне известно, кристально честный человек. Это вас оскорбило бы...

Председатель приемной комиссии вскакивает и, с трудом сдерживая возмущение, кричит:

— Да кто посмел вам советовать дарить мне какую-то вазу?!

Вы радостно успокаиваете его:

— Я очень рада, я просто счастлива, что лично убедилась в вашей неподкупности.

О результатах приемных экзаменов можете не беспокоиться. Как я уже говорила выше, успех метода стопроцентный.

Обо всем, что со мной произошло, я написала рассказ и принесла его в редакцию.

Прочли и холодно вернули.

— Э, нет! Такое не напечатается. Это не метод бороться со взятками, — сказал редактор.

— Извините. Значит, рассказ не получился. Очень досадно, что так вышло. Конечно, я знаю: пригласи я вас в ресторан на бутылку коньяку, рассказ наверняка бы напечатали. Но это противно моим принципам!

— Что?!

— То, что слышали.

Я бережно взяла рукопись и упрятала ее в сумку. Вы думаете, мой метод дал осечку? Ничуть не бывало!

На другой день раздался звонок из редакции.

— Кажется, у вас был рассказ о взятках? Вы не могли бы срочно его принести?

Перевод с литовского.

г. Вильнюс.

На главной улице областного центра встретились два человека.

— Ну?

— Ну?

— Что?

— Что?

— Вы откуда?

— А вы откуда?

— Я от своего района.

— И я от своего района.

— Куда?

— А вы куда?

— На областное совещание.

— И я на областное совещание.

— Что привезли?

— А вы что привезли?

— Показатели.

— И я показатели.

— Какие у вас?

— А у вас какие?

Роберт ВИККЕРС, Александр КАНЕВСКИЙ

А что у вас?

— У меня 12 с гектара.

— И у меня 12 с гектара.

— А честно?

— А вы честно?

— У меня три.

— У меня два.

— Что ж вы думали?

— А вы что думали?

— Я ничего не думал.

— И я ничего не думал.

— Пошли на совещание!

Назавтра в том же месте они встретились снова.

— Ну?

— Ну?

— Что?

— Что?

— Вы откуда?

— А вы откуда?

— Я с областного совещания.

— И я с областного совещания.

— Что слышно?

— А у вас что слышно?

— Ругали!

— И меня ругали!

— Сколько?

— А вас сколько?

— Меня трое.

— И меня трое.

— А честно?

— А вас честно?

— Двенадцать.

— И меня тоже все.

— Ну и что?

— А вас: ну и что?

— Сняли.

— И меня сняли.

— Ну и как?

— А у вас: ну и как?

— Перебросили.

— И меня перебросили.

— Куда?

— А вас куда?

— Меня в ваш район.

— А меня в ваш район.

— До следующего совещания!

Поменялись портфелями и разошлись.

г. Киев.

Демон

Луна смотрела с небосвода —
Вполне обычная луна.

Директор крупного завода
Читал поэму у окна.
В поэме «Демон,
Дух изгнания,
Летал над грешною землей».
Директор,
Затаив дыханье,
Строфу читает за строкой.
И вдруг
Удар!
В квартире сонной
Разбит оконный переплет,
И демон
Собственной персоной
Перед директором встает!
Директор отложил поэму,
Пометку сделав над строкой.
— Вы что, ко мне, товарищ Демон?
Ну,
В чем же дело, дорогой?
И тихо молвил сын эфира:
— Лишь просьбу выполни мою,
И будешь ты владыкой мира,
Я слово демона даю.
Благословлю твою обитель,
Воздвигну памятник тебе —
Поставь лишь сажеуловитель
На этой чертовой трубе!
Я задыхаюсь в этой гари
И часто кашляю до слез,
Я разонравился Тамаре,
И мне грозит туберкулез!
Заткни трубу,
Трубу печали,
Молю тебя!
Я все сказал.
Директор лишь пожал плечами
И духу кукиш показал.
И крикнул дух:
— Он всех погубит!
В груди его не сердце —
Лед!
Он «тот, кого никто не любит
И все живущее клянет!»
Что было дальше?
Не известно.
Директор снова у окна.
Луна?
Луне не интересно —
На то она и есть луна.
А демон?
Он исчадь ада.
И я не спорю,
Может быть,
Исчадь ада так и надо.
А вот
Людей за что травить?

г. Ленинград.

В походе

Как всегда, ровно в девять утра раздался
голос первого секретаря горкома комсомола
товарища Попутько:

— В каком мы сегодня походе, товарищи?
Обычно заведующая сектором учета Лидочка
своими словами передавала сущность оче-
редной кампании, проводимой горкомом. К
примеру:

— Прославим лучших людей.
Или:
— Дадим триста новых передовиков про-
изводства.

Но сегодня Лидочка молчала. Молчала так
долго, что второй секретарь горкома товарищ
Ораков высказал несколько критических за-
мечаний в ее адрес. Инструкторы Отцов и
Мамин уронили карандаши. Наконец тишину
нарушил тихий голос Лидочки:

— Я не знаю, в каком мы сегодня походе.
— А по плану? — спросил Попутько.
— ...по плану! — крикнул Ораков.
— ...по плану! — поддакнули Отцов и Ма-
мин.

— План куда-то пропал, а я ничего не
придумала, — всхлинула Лидочка.

— Она ничего не придумала! — воскликнул
Попутько. — Тогда давайте думать вместе.
Думайте все. Чтобы была хорошая идея оче-
редной кампании.

И он заперся в кабинете. Товарищ Ораков
заперся в своем. Отцов и Мамин закурили и
спрятались за дымовой завесой. Лидочка пла-
кала и искала план. Ей было не до идей. Так
прошел день. Попутько не показывался.
У Оракова разболелась голова, и он через
каждые полчаса посылал Лидочку за пирами-
доном. Отцов и Мамин за дымовой завесой
бубнили:

— Сутки человеческого отношения к поку-
пателю.

— Было.
— Три дня нормальных отношений в семье.
— Проводили.
— Неделя безопасности уличного движения.
— Было.
— Знаешь, Мамин, ни одна идея не прихо-
дит в голову.

Прошла ночь. Попутько вышел из кабинета.
Ораков за дверью стонал в отчаянии:

— Я не знаю, в каком мы сегодня походе!
Лидочка спала, уронив русую головку на
пачки пирамидона. Отцов и Мамин сквозь
сон бормотали:

— Выполним и перевыполним...
— Было.
— Молодоженам — зеленая улица.
— Было.

Попутько вышел на улицу. Утро веяло све-
жим ветром. Торопливо шли люди, садились в
автобусы, трамваи, троллейбусы, шутили и
смеялись.

— Товарищи, в каком вы сегодня походе?
— жалобно спросил Попутько.

Ему никто не ответил. Люди торопились на
работу.

Жестокие законы троглодитов

Сорок тысяч лет назад в районе Великого
Темного Леса были всего две футбольные
команды — «Динозавр» и «Птеродактиль».
В тот памятный день «Птеродактиль» при-
нимал на своем поле «Динозавра». Оба пле-
мени во главе с Мудрейшими из Мудрых заня-
ли наблюдательные позиции на окружавших
поле деревьях и скалах.

Решалась судьба чемпиона Великого Темно-
го Леса. «Динозавр» вышел на поле в шку-
рах красного цвета, «Птеродактиль» — в си-
них. Великий Страж Справедливости поставил
в центре поля мяч, сшитый из шкуры мамон-
та и набитый сухою травой. Потом он дунул в
дырявый зуб пещерного медведя. Раздался
протяжный звук, игра началась.

Сначала все шло как полагается. «Красные»
били по воротам «Синих», «Синие» — по во-
ротам «Красных».

Но вот внимание Стражей Порядка привлек
незнакомый молодой человек в клетчатой
шкуре и полосатых штанах. Он небрежно раз-
валился на скале и грыз семена неизвестного
растения.

— О незнакомец! — тихо сказали Стражи
Порядка. — Мы не знаем, кто ты, но сорить
на стадионе запрещается.

— Я болельщик! — гордо ответил юноша. —
Из двадцатого века. А это семечки подсолну-
ха. Их грызут все болельщики на наших ста-
дионах. И никто не запрещает.

— О Болельщик, — тихо сказали Стражи
Порядка. — Мы уважаем законы Чужого Тем-
ного Леса. Мы не знаем, что значит по-ваше-
му «болельщик». Но по нашим законам за-
прещается сорить в общественных местах,
оглашать окрестности непристойными крика-
ми и свистом, метать в игроков камни и сосу-
ды для жидкости, выбегать на поле, бить
Великого Стража Справедливости каменным
топором и варить из него Таинственный Пеня-
щийся Камень, называемый по-вашему мы-

лом; запрещается также привязывать дохлого
птеродактиля к хвосту динозавра, на котором
уезжает команда противника. Ты предупреж-
ден! Мы удаляемся!

Но молодой человек, назвавшийся болель-
щиком двадцатого века, не послушался муд-
рых советов. Он огласил окрестность оглуши-
тельным свистом и непристойным криком:
«Судью на мыло!» Потом метнул в Великого
Стража Справедливости пятнадцать камней и
два сосуда для жидкости, выбежал на поле и
ударил его каменным топором, мимоходом
стукнул нескольких Стражей Порядка и попы-
тался скрыться, чтобы потом по пути следо-
вания команды «Динозавр» подбросить деся-
ток дохлых птеродактилей.

Когда его связали и привели к Мудрейшим
из Мудрых, юноша презрительно воскликнул:
— Темные, дикие люди! Вам не понять ве-
ликих порывов души болельщика. Много сто-
летий пройдет, пока в ваши тупые головы
войдет настоящая цивилизация.

— О Болельщик! — скромно сказали Муд-
рейшие из Мудрых. — Нам непонятны твои
слова, но за осквернение общественного ме-
ста мы съедим тебя, предварительно поджа-
рив на костре...

Это было сорок тысяч лет назад...

г. Херсон.

Директор был хмур и рассеян. Шло заседание заводского бюро по рационализации и изобретательству. Говорили о каких-то мелочах — новых опоках, шаблонах и всякой другой незначительной ерунде, которая никак не могла помочь дать в декабре два с половиной плана. Мысли директора занимала

именно эта проблема, и, когда у него спрашивали мнение, директор механически бросал: «Да... вайте, давайте работайте» или «Не т... еряйте времени, работайте», — что, как известно, может быть принято за согласие, а может, и наоборот.

И лишь знакомое слово вывело директора из оцепенения.

— Кто сказал о штурмовщине? — спросил директор. — Я же просил... Никакой штурмовщины нет. Есть некоторое использование резервов времени, скрытых в каждых сутках. Сверхурочные оплачиваем. Какая же штурмовщина?

— Вот в этом и кроется корень моего изобретения, — ответил нерастерявшийся рационализатор. — Учтывая, что...

— Простите, но вы же, по-моему, работаете...

— Табельщиком.

— И что же вы изобрели? Какое-нибудь электронное устройство для вешания жетонов? — Директор поморщился.

— Нет. Верный способ, как избавиться от штур... от некоторых обстоятельств, приводящих к некоторому использованию резервов времени, кроющихся в некоторых...

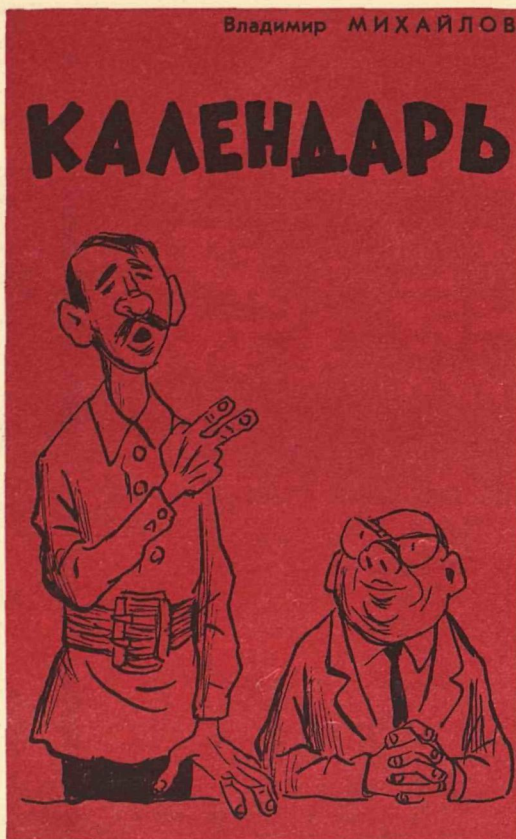
— Избавиться от штурмовщины? — оживился директор. — Каким же образом? — В этом году не гарантирую, — ответил изобретатель. — Но в следующем — наверняка.

— Излагайте. Если стоящее дело, — поднимем всех... А капиталы нужны большие?

— Никаких. Четыре копейки на марку. Зато эффект! Не надо будет сверхурочных. Никакой суеты. Никакого волнения!

— Поразительно! А зачем марка?

— Придется писать в правительство.

Только оно может помочь осуществить мое изобретение.

— Правительство... Это связано с ассигнованиями?

— Заверю вас, нет. Все очень просто. Ведь в январе или феврале, скажем, у нас никакой штурмовщины не бывает, так?

— Так. Но...

— Но в ноябре и особенно в декабре — вы правы — бывает. И вот я изобрел...

— Да что же?

— Календарь. Я предлагаю изменить существующий счет времени. Скажем, в январе штурмовщины нет. И план мы, как правило, не выполняем. В феврале тоже.

И вот календарь: в январе отныне будет всего пять дней...

— Пять?..

— В феврале — тоже пять. В марте кончается квартал. Пусть в марте будет десять дней. После десятого марта сразу следует первое апреля...

— Ясно. Дальше?

— В апреле будет семь дней. В мае — восемь: в мае праздники, значит, добавим один день.

— Но в июне тоже конец квартала...

— Да. Поэтому в июне пусть будет пятнадцать дней. Но в июле и августе вполне достаточно по десяти дней.

— Июль и август — по десять... Дальше?

— В сентябре — поскольку снова конец квартала — запланируем двадцать дней.

— Двадцати хватит, — сказал директор.

— И вот начинается четвертый квартал. Октябрь. В октябре пусть будет тридцать дней.

— Так.

— Затем — ноябрь. Тут уже мы начинаем обычно думать о годовом плане. И в ноябре будет сто дней. Сто!

— Сто дней! — потер руки директор. — И, наконец...

— И, наконец, в декабре — сто сорок пять дней.

— Сто сорок пять!

— За исключением високосного года, когда в декабре будет даже сто сорок шесть дней.

— Но это же чудесно! — сказал директор. — И как я сам до этого не додумался? Вот мы начали жить по такому календарю. Кто-то там еще копается с мартовским планом, а мы уже докладываем о выполнении сентябрьской программы... А они нас догонят только где-то в сотых числах ноября...

— Совершенно верно, — подтвердил изобретатель. — И если еще...

— Что еще?

— Я любитель зимнего отдыха. И если бы мне месячный отпуск предоставлялся в декабре...

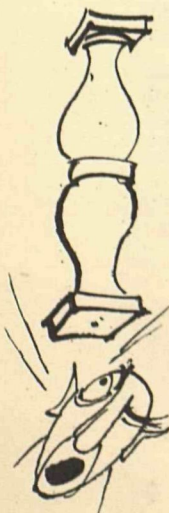
— Подумаем, — сказал директор. — Но независимо от этого, премию вы получите. Изобретение выдающееся!

г. Рига.

Вадим БАБИЧКОВ

Нечто абсолютно испанское

Испанский дон Пирамидон
С испанской донной Белладонной
Под вечер вышли на балкон,
Чтоб усладить себя канцоной.
Влюблен был дон Пирамидон,
Любила донна Белладонна,
И так прекрасен был балкон,
А небо было так бездонно...
Но не успел галантный дон
Поцеловать мизинчик доннин,
Как вдруг обрушился балкон,
И дон остался обездонен!
Прямым путем влюбленный дон
К чертям отправился с визитом —
Не будем плакать, все же он
Был социальным паразитом.
Но дело, видите ли, в том, —
Пусть все известным станет миру —
Что сам я въехал в новый дом,
Причем в отдельную квартиру.
В ней есть и газ и телефон,
Балкон квартиру украшает,
И я признаюсь вам, что он
Меня как раз и устрашает.
Восьмой этаж нейдет с ума —
Полет фантазии не мелок —
Ведь заселяют же дома,
В которых много недоделок!
Теперь вам мой понятен тон?
И в чем собака тут зарыта?
А дон? Какой еще там дон...
Он просто так... для колорита.

Федор НОСКОВ

Тайна науки

В пруду водились караси.
На этот водоем
Приехали ученые втроем,
Чтоб изучить, где водится карась.
Каким путем в пруд рыба забралась.
Открыли после долгого труда:
«Чтоб жил карась — ему нужна вода».
Зачем они пускали рыб в сметану,
Не знаю сам,
Другому врать не стану...

Борис ТОЛЬСКИЙ

Абстракционисту

Оценка всех твоих картин проста:
Цена багета, красок и холста.

Владимир КАПНИНСКИЙ

Штатное расписание

Штат состоял из пишущих машин
И разноперых канцелярских ручек.
А Красный карандаш?

Он был один!

Ответственный начальник — резолютчик!

Римма ГРАНОВСКАЯ

Автомат-тунец

Работает исправно шеренга автоматов, —
Платите пять копеек и пейте сок томатный!
А этот шесть монет сожрал в один присест —
Как наш сосед Семен — не трудится, а ест!

Х О З Я Е В А

В квартире важно жил комод, массивный, словно бегемот. На нем стояли семь слонов, букет искусственных цветов, шкатулка, пять хрустальных ваз и рыжий глиняный Пегас.

Прекрасно жил в квартире той в массивной раме золотой на видном месте натюрморт: два ананаса (первый сорт), арбуз в разрезе (сорт второй) и виноград (несортовой).

Еще в квартире жил диван. Он был широк, как океан, в его просторах без забот мог стать на якорь целый флот. Диван гордился и скрипел: Сесть на него никто не смел.

Еще в квартире жил сервант. Он весь блестел, как модный фронт. Хрусталь, и бронза, и фарфор, и серебро, и мельхиор, и бюст чугунный Ермака на нем застыли на века...

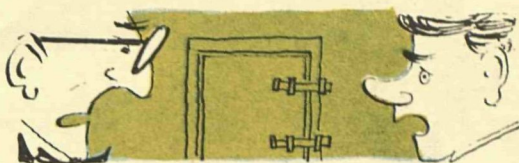
В квартире жили тюфяки, шкафы, буфеты, сундуки, бра, телевизор, шифоньер, три люстры, горки и торшер, различных стульев двадцать пять, семь кресел и диван-кровать.

А в кухне, там, где жарят лук, живет с супругою супруг. Придя с работы вечером, идет на кухню он бочком, садится там на табурет и тихо кушает обед. Он говорит с женой о том, что сын-дурак покинул дом, ушел от счастья, идиот, и в общежитии живет. Откуда в детях эта спесь? Всего ему хватало здесь!

Поговорив о том, о сем, пройдя вдоль сундуков бочком, да повздыхав, супруги спать ложатся на диван-кровать...

г. Ленинград.

ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

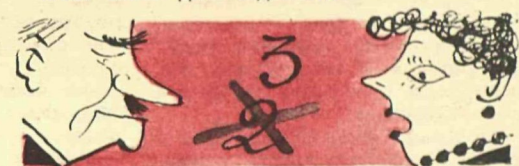
ЗАЧЕМ?

Молодой человек пришел в юридическую консультацию.

— Здравствуйте... У меня вот какой вопрос,— нерешительно начал он.— Я по специальности штукатур.— Он откашлялся.— Как я ни стараюсь работать, а прораб вечно придирается. Семенчуков куда хуже штукатурит, а ему ничего... Вот я возьму да и спрошу Семенчукова, почему это, мол, так получается? А он мне... «Прораб,— говорит,— тебя вызывал в свой кабинет? Разговор с тобой имел? Дверь на крючок закрывал? Вот теперь и соображай, что к чему!.. Да дал бы ты ему, поганцу, пятерку или трешницу! Зачем же он дверь на крючок закрывал, растяпа?! Дошло?»

Не поверил я ему, товарищ адвокат. А с другой стороны, опять же, зачем прораб вызывает нас к себе по одному? Зачем закрывает дверь на крючок? Зачем бы, к примеру, в вашем кабинете, товарищ адвокат, крючок? Вы же его не навесите? — И молодой человек посмотрел на дверь.

Крючка там не было. Там было две задвижки.

ТРОЙКА

— Вы, Зинаида Григорьевна, опять Никифорову двойку по арифметике поставили?

— Поставила, Петр Петрович. Ничего не знает Никифоров.

— А что вы сделали, чтобы он подтянулся? После уроков оставляли?

— Оставляла.

— У родителей были?

— Была.

— Сильных учеников прикрепляли?

— Прикрепляла, Петр Петрович.

— И сами с ним занимались?

— И сама занималась.

— Все равно ничего не знает?

— Не знает ничего.

— Тогда надо что-нибудь другое придумать. Не можем же мы мириться с тем, чтобы он своими плохими отметками всю школу назад тянул,— сказал директор школы. И, глубокомысленно подумав, решил: — Поставьте ему, Зинаида Григорьевна, тройку.

СПРАВЕДЛИВОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ

Директору стало известно: заболела и легла в больницу старая работница завода, ныне пенсионерка Ирина Захаровна. И за время болезни никто ее ни разу не посетил.

Негодующий директор пригласил к себе председателя завкома Теплякова.

— Что же это получается. Говорим, что человек человеку друг, товарищ, брат... Тепляков удивленно возразил:

— Какой же я ей брат? Я ей сын!..

г. Ленинград.

П о ч т и е н а т у р ы

РЕДАКТОР-ОПТИМИСТ

— А, наконец-то! Сколько лет, сколько зим! Давненько, давненько к нам не заглядывали. А? Первый раз пришли? Тем лучше. Молодых нам, как воздуха, не хватает. Задыхаемся без молодых. Присылали вещь? Как же, читал. Великолельно! Оригинально! Особенно про этих, как их, бетонщиков... Хватка у вас крепкая... А? У вас повесть о лесорубах? Тем лучше. Лесная тема у нас не разрабатывается. Сосны, ели, звон пилы... Чудо! Жизнью пахнет. Озоном лесным! Повариха у вас хороша. Я бы так не сумел, не-ет. А? В вашей повести нет поварики? Тем лучше. Повариха, знаете, стала уже ходячей фигурой в литературе. Договорились, рукопись остается у нас. В ней ваш талант чувствуется. Повесть дадим, ждите! Пока! Не за что, не за что, дорогой мой, благодарить. Это вас благодарить нужно. Маленькая просьбица. Будете проходить по коридору, позвоните, пожалуйста, секретаря редакции. Пока!

— Иван Павлович, тут молодой автор приходил — Гвоздев. Пошлите ему завтра письмецо и повесть отошлите. Затеряли? Тем лучше. Напишите: редколлегией повесть обсуждена, общее впечатление отличное, доработайте, доводите до кондиции, желаем успехов.

ЧУТКИЙ РЕДАКТОР

— Молодой, начинающий? Очень, очень рад познакомиться с вами, товарищ Елизаркин. Молодые нам позарез нужны. Критики ругают: мало молодых в журнале, зажимаем, хе-хе! Что у вас — поэмка? Нельзя, нельзя так о своем труде говорить. Поэма! Вот так. Кладите ее на стол, сюда. Закуривайте, не стесняйтесь. Откуда сами? Вон как!.. Бывал в тех местах, на тетереи охотился... Тетерева? Ну-ну, пусть по-твоему... Женат? Пора, брат, пора. Мать, отец как? На пенсии? Очень, очень интересно. Столяром, говоришь, работаешь... Знаю. Сам-когда-то рубанком туда и сюда баловался... Стружка, смола... Запах-то, а? Норму-то даешь? Это хорошо, Поджаркин.

Елизаркин? Ну-ну, пусть по-твоему... А на фабрике, наверное, коллектив? Люблю коллектив. Эдакий крепкий, сколоченный... Директор-то не дурак? Это хорошо. Да-а... Бывал, бывал я в тех краях. Приеду как-нибудь... А как жена — ничего? Ах да, не женат! Не торопись, никуда не уйдет. Попиши... поработай, товарищ Казаркин. Елизаркин? Ну-ну, пусть по-твоему... Так... Что ж, до свидания. Поэмку не забудь... Ах, да! Нет, брат, пока не возьмем. Материала — во! На два года вперед. В редакционном портфеле три романа, пять повестей, восемнадцать поэм. Разгрузимся, тогда давай. Шли прямо на меня. С руками твою поэмку оторвем. Все-го хорошего!

ПРЯМОЛИНЕЙНЫЙ РЕДАКТОР

— Знаю. Читал. Прямо скажу: вещь не ахти. Мелко. Скучно. И потом, батенька мой, что это у тебя за конфликт? Она любит его, он не любит ее; она допускает на работе ошибку, он раздраконивает ее на производственном собрании... Прямо скажу: сыро. А пейзажи, батенька мой, у Шолохова сдувает, образы — черт те знает у кого! Прямо скажу: не возьмем; хоть и молодой ты, а молодых в нашем журнале раз-два и обчелся, но не берем твой рассказ. Мелко, скучно. Андрей Фомич читал? Какой Андрей Фомич? Батенька мой, кто ж его не знает, известная фигура в нашей литературе... Чего он сказал? Хороший рассказ? М-да... Андрея Фомича кто не знает. Вместе начинали. Лёфы, рапы... Дай-ка рассказ... Я, батенька мой, без очков первый раз его читал. Торопился. А сейчас с очками попробуем. Так-так!.. Ну, чего сразу ски? В нашем деле, батенька мой, сразу не решишь... М-да, сюжет забавный. Конфликт тоже есть. Так-так... Пейзаж оригинальный. Можешь, можешь делать. Прямо скажу: рассказ получился. Как раз для нашего журнала. Точка. Что будет — сразу ко мне. Андрею Фомичу — привет!

г. Вязники,
Владимирской области.

ГРЕХОПАДЕНИЕ ДЖЕФФА ПИТЕРСА

(Из не написанного О'Генри)

— Нет, что вы ни говорите, а человек не должен сворачивать с пути, предначертанного ему богом. И если ты честный жулик, так и будь им, а если, к примеру, миллионер,— что ж, туда тебе и дорога.

Джефф Питерс умолк, задумчиво рассматривая знакомый зал рестораника Провенцано. Среди людей, проживающих западнее реки Уобаш, вряд ли сыщется такой нелюбитель рассказывать о своей жизни. К нему нужен особый подход.

— Ну,— возразил я, отодвигая блюдо спагетти,— мне кажется, на этот раз вы, старина, неправы.

— Гм,— начал Джефф, раскуривая неизменную терновую трубку,— разве я не говорил вам, как мы с Энди Таккером... Да лучше все по порядку.

Прошлым летом нам пришла в голову заманчивая мысль: отдохнуть от этих назойливых простаков, которые буквально измучили нас, навязывая свои доллары в обмен на Чудодейственное Пропиоватоатомное Средство. Да нет, вы не подумайте, операция была вполне безобидной в смысле законности. Вы же знаете мои принципы: я люблю, чтобы человек, оставляющий мне свои деньги, получал что-нибудь в утешение. Тем более что технический вазелин обошелся нам страшно дешево. Заключенный (не люблю я это слово), заключенный в изящные баночки, он назывался «Флорида». Не думаю, чтобы мазь кому-нибудь повредила: по нашей инструкции пользоваться ею полагалось после атомного взрыва. И все-таки дело имело свои теневые стороны: проводите ночи за расфасовкой Чудодейственного Средства было не менее утомительно, чем слушать непрерывный звон монет, сыпавшихся на нашу конторку в течение всего дня.

Ну, так вот, когда у нас кончился запас аптекарской посуды, выбросили мы остатки вазелина, упаковали кругленькую сумму своих скромных заработков и отбыли на каникулы.

Угораздило нас споткнуться об один городишко на Юге, штат Алабама. Знаете эти райские уголки, состоящие из рекламных щитов, пары враждующих газет с промккими названиями и единственного на весь округ завалачило миллионера? Неделю мы оказались в свете — два крупных бизнесмена, удалившиеся от дел. Потом лежали, задрав ноги, у себя дома. Нельзя сказать, чтобы это было слишком весело.

Легим мы однажды вечером, покуриваем. Вдруг Энди откладывает газету и цедит скукающим тоном:

— Джефф, старина, а не стать ли тебе мэром?

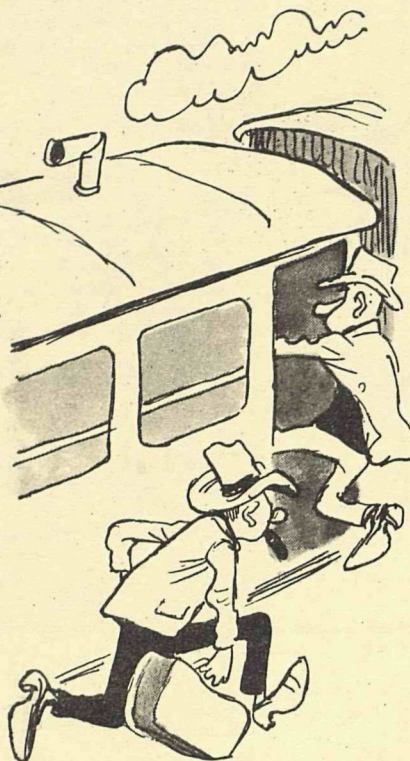
— Энди,— говорю я,— Энди! Вот тебе таблетка аспирина, ляг и постарайся ни о чем не думать. Я сделаю все. Лучшие мастера по внешним и внутренним устройствам быстро вернут тебе утраченное умственное равновесие. Это все ядовитые пары Пропиоватоатомного Вазелина.

— Нет,— отвечает он.— Я много думал и пришел к выводу. А когда я прихожу к выводу, переубедить меня трудно. Пусть на сей раз презренные деньги послужат высоким целям процветания человечества. С их помощью твердолобые туземцы получат мудрейшего и благороднейшего наставника, а у меня будет надежный покровитель — мой друг Джефферсон Питерс, мэр.

Вы знаете Энди. В искусстве силлогизмов он неподражаем. Влейте в него пинту чего-нибудь горячительного — и он может часами говорить о чем угодно, от видов на разоружение до видов на Париж с высот Везувия. Через четверть часа мне стало ясно, каким болваном надо быть, чтобы отказаться в юности от политической карьеры, — не надо забывать, что моя родная тетя была женой шерифа из Нью-Джерси. А еще через час я горел желанием совершить что-нибудь такое... на общественном поприще.

Когда человек наработит много денег, ему хочется руководить умами своих признательных соплеменников, будить их бедные дремлющие души и звать вперед, по пути Добра и Света. Конечно, нельзя грубо отождествлять наши скромные заслуги с деятельностью Рокфеллера — это было бы обидно для нас. Но ведь я же и не собирался начать прямо с сената.

План Энди был прост, как мечта человека, проводящего ночь на парковой скамье. Оставалось осуществить его. Партию — каждый политический деятель должен отражать чьи-то взгляды, — партию Энди организовал еще накануне, на торжественном заседании главных записок города в ресторане старого Мэтью. Это была Великая Партия Нейтральных и Прогрессивных Любителей Ростбифа. Ее предельно ясная программа гласила: любви ростбиф и отечество, живи сам и не мешай другим. Мне кажется, в этом отношении она могла служить примером для других.

Мои обязанности свелись к простой синекуре. Я должен был сидеть в кабачке и разглагольствовать о чем угодно, кроме политики. Все остальное Энди брал на себя. Восторженная толпа после его речей валила в кабачок — пожать руку и выпить с честным Джеффом, старинкой Джеффом, который не забивает головы пустяками и умеет пожить в свое удовольствие. Хозяин кабачка имел неплохой бизнес. Как я после выяснил, мы тоже кое-что имели. Но денежки наши уплывали, как листья по горной реке после осенних дождей. Были неприятности с каким-то Цензом — я не знаю, чего он хотел, но хорошенкая пачка долларов вполне удовлетворила его. Тот же испособ развязал языки газетчикам. «Джефф Питерс — славный парень»; «Семь железных заповедей Джефферсона»; «Наш Джефф умеет жить и не мешает другим»... Да, приятно вспомнить. Что? Конкуренты? Серьезный — только один. Благоприятное ко мне небо подарило ему что-то вроде хронического гастрита или язвы желудка. В общем, он мог пить только фруктовые соки яод надзором врача. В городке, где большинство избирателей — люди, культурно развитые и понимающие толк в жизни, это не повышало его шансов. Даже наоборот. Мои политические акции росли почти так же быстро, как таяли наши сбережения.

Я благодумствовал перед сном, поглаживая свои синяки — следы объятий наиболее несдержанных избирателей, когда ввалился Энди.

— Джефф, я буду краток,— сказал он.— Как ты относишься к суду Линча?

Я пробормотал, что, как представитель Великой Прогрессивной Партии, вообще-то нейтрален.

— Так вот, чтобы твоё отношение не переменилось, собирайся немедленно. Поезд уходит через пятнадцать минут, и не дай нам бог опоздать на него.

— А что такое? Завтрак у президента? Прогулка на яхте Дж. П. Моргана?

— Все гораздо проще, дорогой мой несостоявшийся мэр,— говорит он и выкладывает на стол экстренный выпуск газеты.

Одного взгляда на нее оказалось достаточно. Я понял, что читать ее будет намного приятнее, отделив себя от любящих избирателей возможно большим количеством миль. Сборы выглядели несколько поспешными, и отдышаться нам удалось только в вагонном купе. Под успокоительный стук колес я ознакомился с газетой. Через всю полосу тянулись огромные буквы: «Черномазый лезет к власти!» Серия фотографий приводила от дяди Тома и тетушки Салли к вашему покорному слуге. Негодяи использовали самый дорогой моему сердцу снимок: представительницы юного населения города целуют по поручению общности старину Джеффа, доброго малого Джефферсона Питерса... Копии документов убедительно свидетельствовали, что мои предки были чернокожими.

— Энди,— прошептал я,— но ты-то веришь мне, ты же знаешь мою бедную бабушку?

— Конечно, дружище,— вздохнул Энди.— Просто мне не хотелось выслушивать твои объяснения в присутствии местных жителей. Подведем финансовые итоги.

Я вывернул карманы. Четыре доллара, немного табачных крошек и приглашение на торжественный обед в мою честь. До сих пор думаю, что они сделали с этим обедом...

Четыре доллара слишком мало для того, чтобы начать новую жизнь. Выражаясь современным языком, масса была ниже критической. Я вспомнил о легкомысленно выброшенном вазелине.

Пачка кредитных билетов толщиной с конец дышла нарушила ход моих мыслей.

— Друг мой,— начал я, придя в себя,— ты же знаешь мои нравственные принципы. Если твоя совесть омрачена преступлением...

И тут Энди произнес свою последнюю предвыборную речь.

— Закрой рот,— сказал он.— Теория вероятностей и гидростатический метод привели меня к выводу. Мы могли продержаться на поверхности еще пару дней. А до выборов — полмесяца. Что поделаешь, популярность — слишком дорогая вещь. Это не для нас. Мы не сумели заручиться поддержкой магнатов. Я, пожалуй, лягу: чертовски устал, фабрику твою негритянскую родословную. А этот твой конкурент-гастритик оказался толковым парнем. Он даже не торговался. Сразу выложил доллары.

— Как бы из-за
этих костылей на
электричку не
опоздать!

Рисунок
А. ЦВЕТКОВА

Дед Мороз: — Все еще
не готово? Умоляю! Вый-
ти не в чем...

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛОВА

ЭТОТ ШУТНИК ДЕ ГОЛЛЬ

Вряд ли кто будет отрицать необходимость всестороннего взгляда на вещи. Даже Луну, как она ни сопротивлялась, удалось осмотреть с нескольких точек зрения. Многочисленные биографы генерала де Голля давно позаботились, чтобы донести до потомства все его свойства и качества. Появились книги о де Голле-политике. Но только недавно был брошен свет на еще одну сторону французского политического лидера. Некто, скромно укравший за псевдонимом «Эрнест Миньон», выпустил труд о де Голле-юмористе.

Сборник «Остроты генерала» вышел в издательстве Файяр и сразу же превратился в настольную книгу каждого француза, желающего углубленно изучить личность своего президента.

Итак, остроты и афоризмы на самом высшем парижском уровне...

— Как можно править страной, насчитывающей двести сорок шесть

сортов сыра! — воскликнул будто бы однажды Шарль де Голль.

Читатель, конечно, сразу же понял, что генерал в обиде не на «камамбер» и «рокфор», не на «лагрюейр» и «бри». Ведь любой из сыров, с дырками и без оных, можно попросить на стол из кладовых Елисейского дворца и разделать с ним с помощью ножа и вилки. Другое дело — политические партии, которых во Франции чуть меньше, чем сортов сыра. Среди них попадаются острые и неудобоваримые для желудка престарелого короля-президента. Вот почему и перед референдумом и перед выборами в парламент де Голль метал отнюдь не перлы остроумия, а громы и молнии в адрес партий.

Следующая острота де Голля, которую мы воспроизводим для знатоков, была высказана после выхода книги Миньона и войдет, очевидно, в ее второе издание. Генерал так разъясняет значение слова «навсегда»: «Навсегда — то есть до конца моих дней».

— А что же после? — спрашивают удивленные и испуганные французы. — Потоп, как мечтал Людовик? Конец мира?

Если послушать де Голля, — или то, или другое. Во всяком случае, на выборах излюбленным тезисом деголлевской пропаганды было: если проголосуете «нет», Франция немедленно погрузится во тьму политического хаоса.

И каким глубоким юмором искрится на этом фоне такой афоризм де Голля, датированный 24 октября 1943 года: «Как только Франция освободится от последнего немца, я навсегда отою от политики». Впрочем, де Голль, чтобы не нарушить свое обещание, устроил так, что и в 1962 году во Франции было изрядное количество немцев — на военных базах бундесвера в Мурмелоне, Сиссоне и иных городах и всяких. Время от времени, чтобы де Голль «не отошел от политики», в Париж, как известно, навевывается и сам Аденауэр.

Эрнест Миньон свидетельствует, что однажды министр иностранных дел Кув де Мюрвиль заявил президенту: — У Аденауэра слишком мало карт на руках. Правда, он стоит во главе процветающей страны, но эта страна не имеет закрепленных международным договором границ и даже настоящей столицы. Что же остается у Аденауэра?

На это де Голль ответил лаконично: — Париж.

В этом случае, как каждому ясно, де Голль острит не как кавалер высших французских орденов и медалей Сопротивления, а как носитель боннской награды «Гросскрайц дес Бундесфердинсторденс».

Если когда-нибудь выйдет сборник изречений канцлера Аденауэра, то никто не удивится, если там с такой же охотой во владение де Голля будет отдан Бонн. В самом деле, во Франции никогда не встречают де Голля с таким энтузиазмом, как встречали его на улицах зарейнских городов. Как не вспомнить о двадцати тысячах полицейских, тщательно обследовавших на пути почетного визитера все канализационные люки и придорожные канавы, или о водолазах, прощупавших каждую пядь рейнского дна на трассе парохода с президентом Франции на борту! Как не вспомнить о возгласе «Да здравствует император Европы!», прозвучавшем в одном из западногерманских городов, о предложениях возглавить «Дранг нах Остен», поступавших в адрес де Голля на протяжении всей его поездки!

Значительный раздел книги Эрнеста Миньона посвящен взглядам генерала на общество и на свою роль в таковом.

«Величие должно быть окружено тайной. Люди не склонны поклоняться тому, что им хорошо известно», — учит де Голль.

Собственно говоря, здесь герой научного исследования лишь повторяет мысль, высказанную в юности. Тогда он писал: «Истинный вожь держит других на расстоянии, так как нет власти без престижа и нет престижа без дистанции».

Именно так, на расстоянии, оно же дистанция, де Голль в свое время руководил французским Сопротивлением. Дистанцию генерал соблюдает между собой и министрами, собой и парламентом, собой и Францией, которую он считает чем-то вроде иллюстрированного приложения к де Голлю.

— Мой генерал, хотя народ и стоит за вас, он вас не любит, — осмелился кто-то заметить де Голлю.

Тот отвечал:

— А вы думаете, что мне нужно быть любимым? Мне (голос повышается) достаточно, что де Голля уважают и за ним идут!

Историки отмечают в качестве грамматической особенности, что в то время, как российские самодержцы предпочитали именовать себя «мы», де Голль чаще всего говорит о себе в третьем лице. Это немалый показатель скромности. Генерал никогда не призывает голосовать за себя. Он призывает голосовать за де Голля. Или — за избавителя Франции от тягот алжирской войны. Или — за человека, который обеспечит Франции величие.

— Поскольку политический деятель никогда не верит в то, что он говорит, — признался однажды де Голль, — он всегда удивляется, что ему верят на слово...

Поэтому на лице де Голля так часто запечатлено самое искреннее удивление. Он удивился, к примеру, что в дни референдума ему поверили на слово 62 процента голосовавших. Впрочем, одна парижская газета не без оснований заметила по этому поводу, что следующий референдум де Голль проведет по вопросу, есть ли жизнь на Марсе. Если 62 процента ответят «да», то он сочтет это достаточным поводом для того, чтобы распустить парламент и издать новые законы, основанные на новом проявлении доверия к генералу...

В 1961 году в Детройте умер Альфред Ланжевен, француз по происхождению. Он считался единственным в мире человеком, умевшим пускать дым через глаза. Пускать дым в глаза «великий Альфред» умел значительно хуже «великого Шарля».

Тем не менее сейчас во Франции нет нехватки в маловерах, считающих, что страна уцелеет и выживет даже после того, как ее покинет президент. В ноябрьском номере журнала «Констелласьон» опубликованы выдержки из предсказаний средневекового астролога Нострадамуса.

На проверку оказывается, что из глубины столетий Нострадамус предсмотрел и V республику и деголлевский режим, названный им кодированно «Царство Большого Петуха» (в сен-сирской военной школе юного де Голля называли «заносчивым Шарлем» и «петухом»). И вот на 1963 год Нострадамус пророчествовал, что «короля предадут его домочадцы». Кого он подразумевал под домочадцами — оасовцев или лидеров буржуазных партий, — Нострадамус не уточнил.

Но у Нострадамуса был типичный деголлевский порок: он недооценивал роль народных масс в истории...

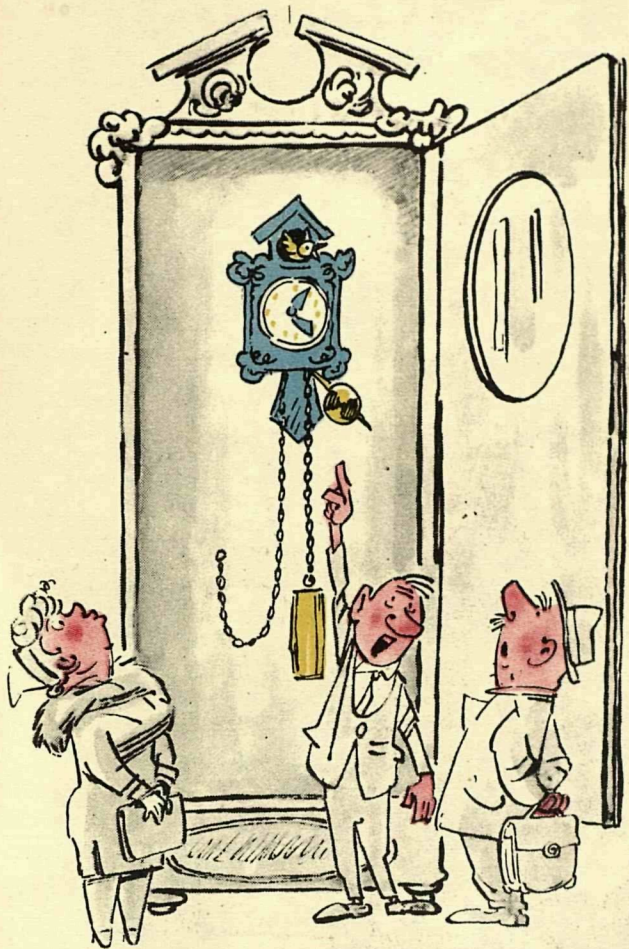
НА ГРАНИЦЕ ЙЕМЕНА

Утренний намаз английского «бедуина».

Рисунок Бориса ЛЕО

Л. КЕДРИН

— О механизме не беспокойтесь!
Главное — корпус.

Рисунок Д. БЕЛОВА

Сигналы услышаны

«Веселый человек прокурор нашего Славгородского района, Алтайского края, Г. И. Попов! — извещают Крокодила читатели журнала. — До того веселый, что с ним даже опасно ездить не только в одном купе, но и в одном поезде. Недавно, следуя из Славгорода в Барнаул, сей жрец Фемиды напился до положения риз и пытался учинить драку в вагоне № 5. С великим трудом его связали и по прибытии на место сдали в линейное отделение милиции»...

Крокодил с удовлетворением информирует читателей, что ратные подвиги прокурора Попова не прошли незамеченными. Он отстранен от должности.

х х х

«Начальник нашей автобазы № 9 г. Чимкента В. Ф. Деговцов — взяточник», — пожаловались рабочие и служащие базы Крокодилу. Последний запросил прокуратуру Казахской ССР. Заместитель прокурора тов. Чурбанов подтвердил правильность сигнала. Взятчик Деговцов привлечен к уголовной ответственности.

х х х

Неприглядно вел себя и коллега Деговцова — начальник данковской автоконторы Липецкой области Литвинов: вымогал у рабочих «подарки», неудобных преследовал.

Секретарь Липецкого обкома КПСС тов. Мельник сообщил, что факты подтвердились. Решением бюро данковского райкома КПСС Литвинову объявлен строгий выговор, и он снят с работы.

х х х

Директор совхоза «Рунданы», Латвийской ССР, Храмов всегда находится под хмельком. Неистовая любовь директора к сорокаградусной уже служила однажды предметом обсуждения на бюро Лудзенского райкома партии. Но увуй! Храмов не протрезвился и после такого обсуждения.

Недавно бюро Лудзенского райкома снова по сигналу наших читателей обсудило его поступки, объявило ему выговор и сняло с работы.

— А есть у вас лыжные ботинки на шпильках?

Рисунок М. БИТНОГО

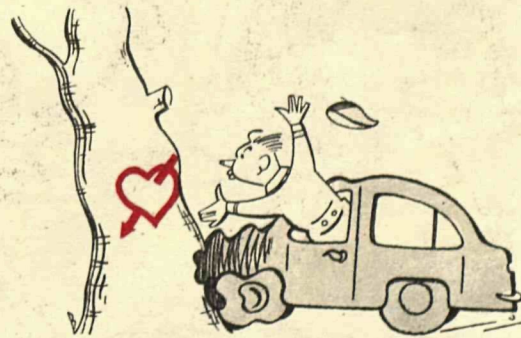
НЕДВИЖИМЫЕ ГРАЖДАНЕ

Ялта. Между прочим, улица Пушкина, а не какого-нибудь косноязычного пиита. Дом номер девять. Ограда. На ограде сочная декларация:

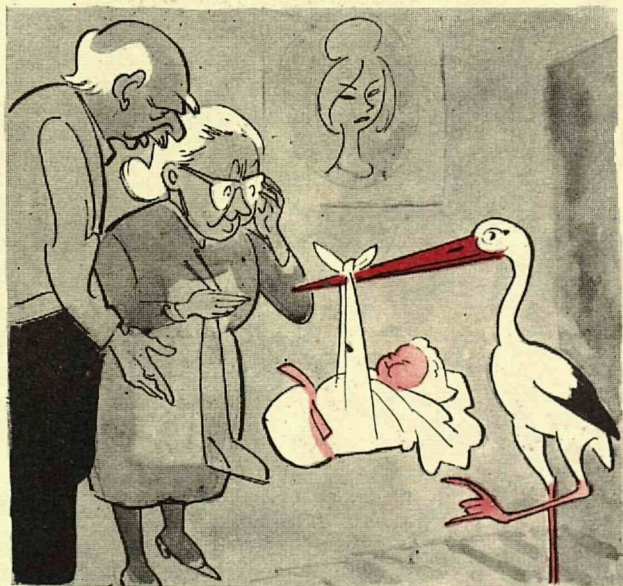
Прохожие останавливаются. Одни деревенеют. Другие каменеют. Открывают рот форточкой. Но в дом прохожие все-таки не превращаются.

Трудно из гражданина сколотить дом. Даже если он за что-то борется.

— А это что за знак?

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Кто тебя сюда прислал?
— Ваши дети...

Рисунок М. БИТНОГО

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«ОБЪЯВЛЕНИЕ

У гражданина Пукова Михаила Акимовича
УКРАЛИ

1. Кобылу. 2. Бричку. 3. Собаку.

Кто знает о месте пребывания воров, просьба сообщить Пукову Михаилу Акимовичу — прокурору Селидовского района».

(Из газеты «Маяк»
Донецкой области).

Прислал А. ПАНКРАТОВ.

«Прием живых лиц производится по вторникам и четвергам с 2 до 4 часов дня. Иметь при себе паспорт и направление от милиции, суда или прокуратуры.

Суд. мед экспертиза.
(Объявление на территории
горбольницы).

Копию снял Г. ЧИРКОВ.

г. Троицк,
Челябинской области.

«Цех по расческе шерсти от населения».

(Вывеска на одном из цехов «фабрики
индошвива», г. Моршанск).

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00212. Изд. № 1837. Подписано к печати 29/XI 1962 г. Формат бум. 70×108½. Тираж 1 650 000 экз. Заказ 3261. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
11 ДЕК 1962
КОНТРОЛ. ЭНЗ.

457-00 м

Агенты ФБР сняли отпечатки пальцев у 77 миллионов американцев. При таких темпах «работы» ФБР скоро будет иметь отпечатки пальцев даже грудных младенцев.

(Из газет)

— Мальчик, дай дяде ручку!

Рисунок Ю. ГАНФА